

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 821. 181. 1

DOI 10.17223/19986645/18/4

Э.М. Жиликова

**Ф.М. ДОСТОЕВСКИЙ И ВАЛЬТЕР СКОТТ
(К ВОПРОСУ О НАПОЛЕОНОВСКОМ МИФЕ)**

В статье рассматривается вопрос о характере восприятия Ф.М. Достоевским вальтер-скоттовской концепции человека и истории. Делается попытка показать связь наполеоновского мифа (на материале легенды о Наполеоне в романе «Идиот») с историческим трудом В. Скотта «Жизнь Наполеона Бонапарте, Императора французов».

Ключевые слова: В. Скотт, «Жизнь Наполеона Бонапарте, Императора французов», Достоевский, роман «Идиот».

Постановка вопроса о значении творчества Вальтера Скотта для формирования и развития художественного сознания Ф.М. Достоевского представляется принципиально важной. Достоевский откликнулся на В. Скотта на протяжении всей своей жизни, начиная с упоминания имен героев «шотландского чародея» в произведениях 1840-х гг.¹ В письме от 18 августа 1880 г. к Н.Л. Озмидову, составляя список книг для чтения дочери адресата, писатель аргументировал выбор произведений В. Скотта своим личным опытом: «12-ти лет я в деревне, во время вакаций, прочел всего Вальтер-Скотта, и пусть я развил в себе фантазию и впечатлительность, но зато я направил ее в хорошую сторону и не направил на дурную, тем более, что захватил с собой в жизнь из этого чтения столько прекрасных и высоких впечатлений, что, конечно, они составили в душе моей большую силу для борьбы с впечатлениями соблазнительными, страстными и растлевающими. <...> Вальтер Скотт же имеет высокое воспитательное значение» [5. Т 30/1. С. 212].

В этом признании, сделанном в конце жизни писателя, названа причина столь пристрастного и благодарного внимания Достоевского к В. Скотту. «Мечтательный», «книжный мир» [5. Т. 16. С. 180] В. Скотта, гуманность нравственно-философской позиции английского писателя заключали в себе идеальное содержание, «безупречную нравственность» [6. С. 150], рождавшую, словами героя «Подростка», стремление «придумать благородное дело» [5. Т. 16. С. 180]. Нравственно-философская позиция английского романиста и художественные принципы изображения им человека были восприняты Достоевским сквозь призму отношения к В. Скотту русских писателей, и в первую очередь В.А. Жуковского, А.С. Пушкина, Н.В. Гоголя. Искусство

¹ Процесс активного осмысления творчества В. Скотта в 1840-х гг. проявилась в постановке Достоевским проблемы мечтательного героя, в разработке психологического портрета мечтателя в драматический момент перехода его к действительности [1, 2, 3, 4].

В. Скотта рисовать историю «домашним образом» [7. Т. 6. С. 269] основывалось на сочетании идей детерминизма с «антропологическими теориями века» [8. С. 323], что, в свою очередь, обусловило своеобразие художественно-эстетических принципов – объективность авторской позиции и эпическую полноту изображения.

Вальтер-скоттовский критерий человечности как нормы морали, требующей пристального внимания к каждой личности и поисков «человеческого» в нем, был усвоен Достоевским и получил развитие в разработке важнейших вопросов современности, в том числе проблемы наполеонизма, одной из магистральных в его творчестве.

Многочисленные упоминания имени Наполеона в статьях, письмах, художественных произведениях и Подготовительных материалах составляют целостности текст наполеоновского мифа Достоевского. Особое место в пространстве наполеоновского мифа занимает роман «Идиот», в котором Наполеон выведен как персонаж, герой легенды генерала Иволгина. Исследователи романа «Идиот» в процессе изучения проблемы наполеонизма осуществили большую работу по выявлению мемуарных, исторических, литературных и реальных прототипов образа генерала Иволгина [9, 10], по установлению литературных источников легенды о Наполеоне [11]. На связь «наполеоновской» новеллы в романе «Идиот» с Вальтером Скоттом пронизательно указал И.Л. Волгин, отметив при этом, что «прямого влияния Вальтера Скотта на Достоевского как будто не наблюдается: слишком различны их художественные миры» [12. С. 130]. Отмечая ориентацию Достоевского на В. Скотта, исследователь берет за основу схождения в структуре романов английского писателя и «новеллы» в «Идиоте»: историческая личность с драматическим характером, благородный юный герой и героиня, телохранитель и «чувствительный» тип повествования¹.

Указанный исследователем факт ориентации Достоевского на роман В. Скотта представляется принципиально важным. Именно в жанре романа была сформирована и получила художественное воплощение вальтер-скоттовская концепция сильной исторической личности. В связи с конкретным введением в роман Достоевского фигуры Наполеона и постановкой проблемы наполеонизма особого внимания заслуживает вопрос об отношении английского писателя к Наполеону и о способах его характеристики. В. Скотт посвятил Наполеону большой исторический труд «Жизнь Наполеона Бона-

¹ В качестве аргументов, подтверждающих связь Достоевского с английским писателем в разработке наполеоновской темы, И.Л. Волгин выдвигает следующие положения: «Во-первых, у Достоевского, как и у Вальтера Скотта, присутствует реальная историческая личность, великая, благородная, мягущаяся и в конце концов погибающая. Во-вторых, имеет место идеальный юноша (в нашем случае мальчик со звучным именем Ардалион): тоже непрменный участник вальтер-скоттовского романного действия. Затем наполеоновский телохранитель мамелюк Рустам – аналог колоритного «чужеземца», также лицо историческое, автор позднейших мемуаров. И, наконец, юная дева, сестра новоиспеченного камер-пажа (правда, в 1812-м году ей только три годика – столько же, скажем, сколько сестре юного любителя Вальтера Скотта Вере), гибнущая впоследствии при родах. Это в ее альбом, покидая Москву, вписал злополучный странник свой августейший автограф: «Ne mentes jamais!» – совет тем более дельный, что осведомляет нас о нем не кто иной, как генерал Иволгин. Если добавить ко всему этому высокую чувствительность генеральского рассказа, сходство с Вальтером Скоттом обозначается еще сильнее» [12. С. 130–131].

парте, Императора французов», который был написан в 1827 г., а в России опубликован в 1831 г. в переводе С. де Шаплета.

Наблюдения, характеристики и выводы в книге В. Скотта о Наполеоне базируются на собранном и введенном в текст огромном массиве справочной, мемуарной, исторической литературы. Сама же постановка наполеоновской темы и принципы изображения императора французов основываются на опыте художественного осмысления этой проблемы в романах. И это обстоятельство чрезвычайно важно, поскольку благодаря нравственно-этическим и эстетическим принципам, выработанным в рамках жанра романа, исторический труд был «обречен» на объективность и полноту изображения личности Наполеона.

Французский император предстает в исследовании В. Скотта чрезвычайно сложной и неоднозначной фигурой. Принцип приближения к историческому лицу со стороны его человеческого содержания, обозначенный А.С. Пушкиным как изображение «истории домашним образом», был разработан В. Скоттом в романах. В отношении каждого из героев В. Скотт выстраивает целую систему объяснений его поведения, если не оправдывающих крайностей в поступках, то заставляющих читателя не делать прямолинейных выводов, а понимать сложность человеческой личности, обусловленной, как всегда у В. Скотта, эпохой и обстоятельствами личной жизни героя.

В аспекте поставленной проблемы особый интерес представляет роман «Квентин Дорвард» (1823) и Предисловие к роману, датированное 1 декабря 1831 г., т.е. написанное спустя четыре года после публикации «Жизни Наполеона Бонапарте» и, естественно, учитывающее опыт создания книги и той полемики, которая развернулась после ее выхода. И если «Квентина Дорварда» можно рассматривать как романский пролог к историческому сочинению о Наполеоне, то Послесловие следует назвать эстетическим манифестом и итоговым ответом В. Скотта оппонентам. В романе «Квентин Дорвард» В. Скотт выводит двух выдающихся лиц французской истории XV в. – зловещую фигуру короля Людовика XI и Карла Смелого, отчаянного рыцаря, владельца Бургундского герцогства. Выбор времени действия и острых коллизий был продиктован современностью. Судя по роману и Предисловию, В. Скотта необычайно волновала переходная по содержанию эпоха XV в. и порождаемые ею характеры. Как пишет Р. Самарин, «В. Скотт был сам сыном революционной поры, охватывавшей конец XVIII и начало XIX в. Возможно, что именно поэтому он с таким интересом вникал в историю смутного и грозного XV в., изучал французских и отечественных хронистов этого столетия и работы историков более позднего времени, уже пытавшихся анализировать ход событий XV века» [13. Т. 15. С. 544].

В Предисловии В. Скотт дает характеристику Людовику XI с «человеческой» позиции, т.е. в качестве критерия выдвигает наличие или отсутствие чувства нравственной ответственности и долга в поведении героя. Свою авторскую позицию неприятия деятельности Людовика XI, «наделенного характером в высшей степени эгоистичным, не способным предпринять что-либо, не связанное с его честолюбием, алчностью или тягой к наслаждениям» [14. Т. 15. С. 7–8], Скотт выражает прямо и бескомпромиссно: «Даже автору чисто развлекательных сочинений может быть дозволено стать на время

серьезным, если он хочет осудить любую политику – частного или государственного характера, которая основывается на принципах Макиавелли или на поступках Людовика XI» [14. Т. 15. С. 8–9]. В сближении имен Макиавелли и Людовика XI проявляется полное неприятие В. Скоттом теории оправдания в политической борьбе любых методов, вплоть до обмана, подкупа, предательства и убийства. Однако и в Предисловии, и на протяжении всего романа В. Скотт стремится быть объективно справедливым в отношении Людовика XI, т.е. не умалять природных достоинств короля, обнаруживая их в фантастически изувеченных формах проявления: «В этом хитром и одаренном государе уживались странные противоречия» [14. Т. 15. С. 22]. Так, В. Скотт отмечает смелость Людовика XI в достижении поставленных целей, называет его «тонким знатоком человеческой природы» [14. Т. 15. С. 22], «самым умным, или, во всяком случае, самым хитрым из современных ему монархов» [14. Т. 15. С. 23]. Историческое значение Людовика XI писатель во многом объясняет той ролью, которую он сыграл по воле провидения в судьбе французского государства: «<...> при посредстве этого осторожного и ловкого, но очень непривлекательного государя провидению угодно было возратить великой французской нации те блага государственного порядка, которые она почти утратила ко времени вступления Людовика XI на престол. Так часто провидение заставляет служить на пользу людям не только теплый дождик, но и грозную, разрушительную бурю» [14. Т. 15. С. 24]. Предисловие, написанное после создания «Жизни Наполеона Бонапарте», со всей очевидностью несет в себе отпечаток раздумий В. Скотта над современной ему политической жизнью, в которой ключевой фигурой был Наполеон.

В Предисловии писателем поставлен вопрос, имевший актуальный для времени В. Скотта важное значение и касавшийся так или иначе личности Наполеона: об истинном масштабе исторической личности и способах ее изображения. Людовик XI имел репутацию низвергателя, разрушителя рыцарских традиций, казался «чуть ли не воплощением самого дьявола, которому дозволено все, что способно загрязнить самый источник наших представлений о чести» [14. Т. 15. С. 8]. В этой связи В. Скотт сравнивает две концепции изображения характера духа-искусителя (Мефистофеля, Сатаны), представленные в художественной литературе, с одной стороны, Гете в «Фаусте», а с другой – Байроном и Мильтоном. По характеристике В. Скотта, Байрон и Мильтон «придали духу зла нечто такое, что возвышает и облагораживает его порочность – негибкое и непобедимое сопротивление самому всевышнему» [14. Т. 15. С. 8]. В Скотту более удачной и близкой представляется концепция Гете: «Напротив, великий немецкий поэт представил своего духа оболщания как существо вообще совершенно бесстрастное, которое служит лишь для того, чтобы увеличивать путем искушения и уговоров общую массу морального зла» [14. Т. 15. С. 8]. Этот принцип отказа от возвеличивания и демонизации героя, страдающего честолюбием и тщеславием (рассматриваемых как источники моральных пороков), распространяется в книге «Жизнь Наполеона Бонапарте, императора французов» на главного персонажа.

В. Скотт на протяжении всего исторического исследования воздает должное военному и политическому гению Наполеона. В Заключении, под-

водя итог и создавая в миниатюре «маленький» роман, В. Скотт дает первоначально описание наружности и характера Наполеона, а затем пишет о «гибкости его (Наполеона. – Э.Ж.) великих талантов, как воинских, так и политических» [15. Т. 4. С. 295]. «Тайный ключ наполеоновой политики», «краеугольный камень своей славы и главное основание своего могущества» В. Скотт видит в том, что Наполеон «открыл поприще для всякого рода талантов», «предоставил всем людям с достоинствами, хотя и не имеющими титулов, право приобретения почестей по разным Государственным отраслям» [15. Т. 4. С. 299]. В Заключении сказано о «счастливых последствиях, произведенных <...> его царствованием и характером» как для Франции («благоустроенное Правительство, школы, учреждения, суды и судебное уложение»), так и для других земель: «Вторжения его укротили раздоры, существовавшие во многих государствах между владыками и подвластными, научили их соединяться для восстания против общего врага, содействовали к ослаблению феодального ига, к просвещению государей и народов и произвели многие удивительные последствия, которые будут столько же прочны, как полезны, хотя они произведены медленно и без потрясений» [15. Т. 4. С. 309].

Вместе с тем В. Скотт подвергает Наполеона резкой критике. Причину поражения французского императора В. Скотт видит в его крайне выраженном «ненасытном», «неисцелимом честолюбии» [15. Т. 4. С. 304]. В. Скотт цитирует слова Луциана, сказанные о Наполеоне: «В делах своих он руководствуется только своею политикою; а политика его основана на одном лишь эгоизме» [15. Т. 4. С. 299]. Позиция В. Скотта включает в себя не только обвинение в адрес Наполеона, но и объяснение его порока: «Никто в мире, может быть, кроме исключений <...> не имел в такой степени эгоизма, свойственного впрочем всякому роду человеческому. Он был посеян природою в его сердце и укоренен воспитанием полумонашеским и полувоенным, которое столь рано отделило его от общества <...>» [15. Т. 4. С. 299]. В. Скотт, анализируя записи самого Наполеона, обнаруживает у него порочное «желание разделить род человеческий на два разряда – на друзей его и на неприятелей, с тем чтобы первых хвалить и оправдывать, а последних унижать, бранить и осуждать, не заботясь о справедливости, правосудии и основательности» [15. Т. 4. С. 307].

На всем протяжении книги и в Заключении В. Скотт подчеркивал колоссальность фигуры Наполеона, проявляющуюся равно как в его достоинствах, так и в губительном отсутствии нравственного начала в его поступках, принесших страшные беды Франции и народам Европы. В. Скотт находит художественные сравнения, подчеркивающие значимость личности Наполеона: «Ужасные бедствия, удручавшие Европу в продолжение его владычества, были представлены им (в чем, может быть, он и сам себя старался уверить) последствиями, которых Император не желал и не предвидел, но которые неизбежно соединялись с великими планами, предназначенными для исполнения призванному на землю Мужу Судеб, подобно багровому страшному хвосту, сопровождающему быстрое движение блистательной кометы, пущенной законами мира, в неизмеримое пространство неба» [15. Т. 4. С. 305]. В. Скотт не умаляет масштаба личности Наполеона, проявляющейся даже в его недостатках: «Читатель не должен однако же предполагать, чтобы эгоизм

Наполеона имел то низкое, презрительное свойство, которое производят скудость, обман и притеснения в обыкновенной жизни; или под чертами, более благовидными, ограничивает усилия эгоиста тем только, что клонится к его личной выгоде, заграждая путь в его сердце всякому чувству любви к отечеству или общественного благорасположения. Наполеонов эгоизм или себялюбие было гораздо более благородного, более возвышенного свойства, хотя происходило из того же источника; подобно как крылья орла, парящего под небесами, устроены на тех же самых началах, как крылья тяжелой курицы, не могущей перелететь чрез забор своего птичника» [15. Т. 4. С. 300].

Окружая Наполеона романтическим ореолом героя, В. Скотт вместе с тем находит особый реальный ракурс в освещении личности императора, позволяющий показать его нравственную несостоятельность. Доминантным в портрете Наполеона как человека, военного деятеля и политика становится мотив его «обманчивости», лживости, которые были прямым следствием эгоизма: «Эгоизму же Наполеона можно приписать обманчивость, которую ознаменована его общественная политика и даже частный его разговор, когда дело шло о предметах, лично до него касавшихся» [15. Т. 4. С. 303]. В. Скотт помещает целый опус, в котором рассказывается о том, что потерявшая свободу книгопечатания Франция все новости могла получать только через наполеоновы бюллетени, что даже «Монитор», «главный отголосок общественных известий», не имел возможности напечатать правды о Трафальгарском сражении. «От скрывает истину, – пишет В. Скотт, – до изобретения лжи один только шаг, и чрез свои повременные объявления Наполеон так прославился в том и другом отношении, что слова: *Лжет как бюллетень* вошли в пословицу, которая верно долго останется во французском языке и которая тем более постыдна для Наполеона, что он, как известно, почти всегда сам писал эти официальные объявления» [15. Т. 4. С. 303].

В. Скотт неоднократно называет Наполеона игроком, актером, распоряжающимся судьбами тысячей и в конечном счете играющим и своей жизнью. «Привычка Наполеона скрывать истину и выдумывать обманы» [15. Т. 4. С. 306], продиктованная безмерным тщеславием, принимала самые разнообразные формы, но чаще всего форму фантазий, имеющих причиной стремление самоутвердиться¹.

¹ Так В. Скотт включает большой отрывок из «Отчета» (под заглавием «Путевые Записки Бонапарте, до отправления его из Фрежюса». Париж, 1815) прусского комиссара, сопровождавшего Наполеона на Эльбу, куда император был отправлен 20 апреля 1814 г.: «Во время переезда Бонапарте, казалось, воспринял свое присутствие духа и разговаривал с большой откровенностью и непринужденностью с капитаном Утером и Сиром Нилем Камбелем. Он в особенности любил распространяться перед ними о великих замыслах, которые он принужденным нашелся оставить неисполненными, помещал по временам язвительные насмешки над своими неприятелями и показывал большое презрение к их оборонительным средствам. Следующие подробности любопытны и, сколько нам известно, до сих пор не были еще обнаружены.

Он подробно расспрашивал обо всем, относящемся до управления кораблем, хваля существовавший на оном порядок и уверял капитана Утера, что если б владычество его продлилось еще пять лет, то он бы имел триста линейных кораблей. Капитан Утер весьма естественно спросил: Кем бы они были управляемы? Наполеон отвечивал, что он вознамерился сделать морскую Конскрипцию во всех портах и на приморских берегах Франции, дабы получить людей для своего флота, который стал бы приучаться в Зюйдер-Зее до тех пор, пока бы он сделался способным выйти в открытое море. Английский офицер, с трудом удержавшись от улыбки, отвечивал, что морские Конскрипты были бы жалкими людьми во время бури.

Отмечая в поступках Наполеона страсть к актерству, склонность к преувеличениям и приукрашиваниям, присущие людям обыкновенным, обнаруживая в императоре простые человеческие слабости, В. Скотт разрушает романтический ореол, тем самым как бы уравнивая его с обыкновенными людьми, лишая величия, делая смешным, уязвимым и заурядным при всем его военном и организационном таланте.

Толкование «обманчивости», лживости человека и развитие этого мотива в связи с характеристикой Наполеона имеет у В. Скотта морально-философское содержание и опирается на большую просветительскую традицию шотландской философии XVIII в. Ученик Эдинбургского городского колледжа, готовивший себя к адвокатской службе, друг сына прославленного профессора Адама Фергюсона, В. Скотт был воспитан на идеях «нравственной философии» шотландской школы «здравого смысла». В частности, Адам Смит в своей книге «Теория нравственных чувств» развивал идею о ведущей роли в нравственной жизни чувства сострадания (или симпатии), ограничивающего эгоизм человека и дающего ему право называться добродетельным. Вопрос о тщеславии и лжи как одной из форм проявления безнравственности в моральной системе Смита имеет общественное и психологическое содержание. Ложь рассматривается как заблуждение тщеславного человека: «Тщеславный человек неискренен, и в глубине своей души он редко бывает убежден в том превосходстве, которое, как он желает, вы будете признавать за ним. <...> Он то хвастливо, без всякой необходимости выказывает качества, которыми владеет до известной степени, то обнаруживает притязания на такие свойства, которыми обладает в столь слабой степени, что нельзя даже сказать, будто они принадлежат ему»[16. С. 250].

При другом случае Император позабыл своих слушателей новым и любопытным рассказом о причинах возникновения войны с Англией. <...> «Теперь, – продолжал он, разгораясь, – нет власти, которая могла бы воспрепятствовать системе Англии. Она может привести ее в совершенное исполнение. Заключать на неравных условиях договор, который лишит французские мануфактуры всякого поощрения. Бурбоны бедные люди...». Тут он поправился и сказал: «Это большие господа, очень довольные тем, что они получают обратно свои земли и соберут доходы; но если французский народ это заметит и рассердится, то Бурбоны будут через полгода высланы». Тут он опять, казалось, спохватился, как человек, который чувствует, что он слишком много сказал, и во весь тот день он был гораздо осторожнее.

Эта любопытная выходка была сделана совершенно во вкусе Наполеона, который в разговорах охотно смешивал правду с тем, что благоприятствовало его собственным видам, и прибавлял к тому такое множество лжей и обманов, что об речах его можно сказать то же, что английский поэт Драйден сказал о Католическом Заговоре:

Some truth there was, but mixed and dash'd with lies

(Перевод: Была и правда в нем, но помраченная лжами).

<...> Таким образом, краски его, если не события, изменялись, смотря по тому, в каком он был расположении духа.

Во время переезда Наполеон весьма свободно говорил об удобстве, с которым он обманул и разбил союзников в последнюю кампанию. «Силезская армия, – говорил он, – наделала мне наиболее зла; этот старый черт Блюхер, едва только был разбит, как опять лез драться». Но он считал победу над Швальцбергом верною, если бы не отложение Мармонта. Он говорил еще многое, с совершенною, по-видимому, откровенностью, и, казалось, старался сделаться во всех отношениях приятным своим спутникам. Даже самые матросы, которые вначале смотрели на него с удивлением, смешанным со страхом, не избегли действия очаровательной его ласковости, и все подпали влиянию оной, кроме боцмана Гинтона, старого моряка, который никогда не мог слушать рассказов Наполеона, не сказав слова «вздор» себе под нос» [15. Т. 4. С. 18–20].

Таким образом, на страницах книги В. Скотта возникает сложный образ исторического лица, в котором акцентируются два полюса – соседство великого и мелочного. И оно получает воплощение у В. Скотта и у Достоевского в трагикомическом развитии мотива лжи.

Создавая образ Наполеона, признанного современниками великим, не умаляя его достоинств как военного гения, человека, наделенного самыми разнообразными талантами, но при этом осуждая в нем эгоизм и индивидуализм, В. Скотт предвосхищал в искусстве открытие сложной, духовно раздвоенной личности человека XIX в. В романах, как и в «Жизни Наполеона Бонапарте», он разрабатывал принципы художественного исследования драматического аспекта наполеонизма как типа жизненного поведения.

Многие русские читатели-современники В. Скотта не приняли его книгу о Наполеоне, обвиняли писателя в политическом консерватизме и легитимизме, в приверженности к политике Англии, находившейся, вместе с Россией, во враждебном французскому императору лагере во время наполеоновских войн¹. Позиция Достоевского была иной. Среди «Записей из рабочих тетрадей» к «Дневнику писателя» 1876 г. находится рассуждение, в котором Достоевский, включив имя В. Скотта в ряд того, что он относит к «прекрасному в веке», акцентирует своеобразие В. Скотта: «Прекрасное в веке: Пиквик, «Notre-Dame», «Misérables». Первые повести Жорж Занда, лорд Байрон (хромяя нога), Лермонтов, Тургенев, «Война и мир», Гейне, Пушкин, Вальтер Скотт. Вальтер Скотт не легитимист, а осмысленное, высшее сердечное примирение после ненависти к прошлому. «Notre-Dame» не то, ненависть, и т.д. (Музыка.)» [5. Т. 24. С. 133].

¹ Показательна позиция П.А. Вяземского, который в статье «Поживки французских журналов в 1827 г.» (1828) выразил критическое отношение к «Истории Наполеона». Подробнее см.: [17].

Романист Р.М. Зотов в Предисловии к книге «Наполеон на острове Св. Елены» (СПб., 1838) писал: «Сотни книг на всех языках изданы о Наполеоне. Беспристрастной нет ни одной. <...> Самую подробную историю старался написать Вальтер-Скотт. Но англичанин и современник! Он смотрел на все сквозь призму Английского духа журналов. Строгая критика давно уже поставила историю этого писателя на одной полке с его прекрасными романами и назвала ее повестью в *Английском вкусе*» [18. Ч. 1. С. 1].

В.Н. Майков в статье «Романы Вальтера Скотта... Юрий Милославский, или Русские в 1812 году. Соч. М. Загоскина» (1847), развивая мысль о благотворном влиянии Вальтера Скотта – романиста на развитие европейской и русской художественной и исторической мысли, скептически отнесся к его «опытам на поприще собственно истории», сказав о них, что они «из рук вон плохи [19. С. 211].

В оценке Е.В. Тарле («О наполеоновской историографии» (1936) получила продолжение традиция критического отношения к книге В. Скотта за «благочестивые обывательские рассуждения о Французской революции и об Империи»: «Многотомная книга Вальтер Скотта о Наполеоне, одна из первых по времени больших книг о нем, тоже написана с внешней стороны блестяще. Знаменитый романист написал свою работу для самой широкой публики. Тон – английско-патриотический, враждебный Наполеону. Документация довольно слабая и поверхностная. Вообще это книга хоть и многотомная, но – для занимательного чтения, не больше. Успех ее был чрезвычайно велик в Англии и вне Англии; она была переведена на все европейские языки. В середине XIX в. «наполеоновская легенда» настолько прочно овладела историографией Франции, что на книгу Вальтер Скотта там смотрели как на кощунственное произведение. <...> Е.В. Тарле приводит раннюю оценку возмущенного книгой В. Скотта Гегеля («Поверхностная голова!») и комментирует: «Консервативный романтик Вальтер Скотт не прощал Наполеону этих ударов, нанесенных им феодальному миру. <...> Вальтер Скотт пишет, что «небо» послало революции и Наполеона за грехи Франции. Гегель на это возражает, что если справедливое небо так распорядилось, то значит сама-то революция была справедлива и необходима, а вовсе не преступна». Хотя, как замечает историк, «знаменитый философ впоследствии уже не говорил так о Наполеоне («это мировая душа») и склонен был считать его «бичом божьим» [20. С. 406].

Эта запись относится, по всей видимости, к обсуждаемому вопросу об отношении В. Скотта к Наполеону и книге о нем. Достоевский утверждает, что В. Скотт не был легитимистом, т.е. приверженцем королевской династии Бурбонов¹. Напротив, Достоевский рассматривает объективность В. Скотта как достоинство писателя, стремящегося к воссозданию истины, противопоставляя ему ярко выраженную субъективность В. Гюго. Знаменательно определение позиции В. Скотта, данное Достоевским: «...высшее сердечное примирение после ненависти к прошлому». Оно соотносится с пушкинской концепцией Наполеона в стихотворении «Наполеон» (1821). Слово «примирение» корреспондирует к строкам:

И знойный остров заточенья
 Полнощный парус посетит,
 И путник слово примиренья
 На оном камне начертит <...> [7. Т. 1. С. 165]².

Для Достоевского важным был принцип пушкинской и вальтер-скоттовской (романной) оценки Наполеона с позиции человечности и нравственной морали. Так сошлись на страницах «Идиота» Пушкин и В. Скотт.

Был ли знаком Достоевский с книгой В. Скотта? Письменных свидетельств или реальных упоминаний о том, что Достоевский читал исторический труд В. Скотта, нет. Однако, учитывая степень популярности этого произведения в России и Европе, к тому же созданного любимым писателем и посвященного Наполеону, можно предположить, что книга была Достоевскому известна. И обратился он к ней, по-видимому, в преддверии работы над новым большим романом – «Идиотом». Есть в книге «Жизнь Наполеона Бонапарте» эпизод с яркой художественной деталью, косвенно сигнализирующей об очень вероятном, резонантном по содержанию, отклике Достоевского на него в романе «Идиот».

В третьем томе (часть 10, глава 15) «Жизни Наполеона Бонапарте» В. Скотт описывает казнь заговорщика-республиканца генерала Малé, произведенную по приказу французского правительства ввиду отсутствия Наполеона (император и его армия в эти дни отступали из России). В. Скотт дает описание казни следующим образом:

«Малé, с двадцатью его сообщниками, большей частью военными, были преданы военному суду, и двенадцать из них расстреляны на Гренельском поле 29 октября. Малé умер с наивеличайшею твердостью. *Солнце восходило над Инвалидным Домом и работники золотили великолепный купол оного, по*

¹ Слово «легитимист» как сторонник Бурбонов функционирует в романе Ф.М. Достоевского «Идиот»: «<...> Афанасий Иванович пленился одною заезжею француженкой высшего общества, маркизой и легитимисткой <...>» [5. Т. 8. С. 154].

² И.Л. Альми в статье о «наполеоновской легенде Иволгина» указала на «тайный смысл (глубоко серьезный)», который «светится в чуть помеченной цитате из Пушкина. Иволгин говорит, что готов был последовать за Наполеоном в Париж «и, уж конечно, разделит бы с ним «знойный остров заточенья...».<...> Герой вряд ли знает, что цитирует (во всяком случае никак этого знания не обнаруживает). Но читателю указано на пушкинское стихотворение «Наполеон» – с его грандиозной историко-философской концепцией. Поэт, прочерчивая стремительную линию взлета и падения «надменного героя», провозглашает идею посмертного примирения:

<...>
 И путник слово примиренья
 На оном камне начертит» [11. С. 170].

именному повелению Наполеона, в подражание, как сказывали, виденным им в Москве. Пленник сделал несколько замечаний о том, как сие украсит столицу. Идя к месту казни, он сказал таинственно, но угрюмо: «Вы поймали хвост, но вам не захватить головы!» [15. Т. 3. С. 213–214].

В эпизоде, описанном В. Скоттом, были факты, которые в воображении Достоевского могли стать источником ассоциаций, навеянных личными воспоминаниями писателя, – о молодых годах, об участии в кружке Петрашевского, приравненного к государственному преступлению, о выведенных на казнь молодых «заговорщиках», о последних минутах жизни и – о блеске лучей солнца на позолоченной крыше церкви. К тому же в тексте В. Скотта о французских мятежниках упоминалась Россия. Художественная деталь – лучи солнца на позолоченном куполе – возможно, творческая аранжировка текста В. Скотта – романиста. В данном случае важно то, что Достоевский мог уловить в кратком описании В. Скотта психологическую глубину и скрытую символику в передаче трагического момента в жизни человека – сияющий свет солнца, увиденный осужденным на казнь. Подобная деталь присутствует в рассказе князя Мышкина – в широкой картине, полной нравственно-философского и психологического содержания. Комментаторы Полного собрания сочинений Ф.М. Достоевского справедливо отмечают ориентацию писателя в создании текста о состоянии человека перед казнью, описанном в «Идиоте», на повесть В. Гюго «Последний день приговоренного к смерти» [5. Т. 9. С. 430]. Тем значительнее деталь, отсутствующая у Гюго и восходящая, возможно, к В. Скотту. Деталь в картине Достоевского несет в себе утверждение смысла и красоты самой жизни: «Выходило, что остается жить минут пять, не больше. Он говорил, что эти пять минут казались ему бесконечным сроком, огромным богатством; ему казалось, что в эти пять минут он проживет столько жизней <...> Всё это он думал в эти две минуты решить! Недалеке была церковь, и вершина собора с позолоченною крышей сверкала на ярком солнце. Он помнил, что ужасно упорно смотрел на эту крышу и на лучи, от нее сверкавшие; оторваться не мог от лучей: ему казалось, что эти лучи его новая природа, что он чрез три минуты как-нибудь сольется с ними... Неизвестность и отвращение от этого нового, которое будет и сейчас наступит, были ужасны; но он говорит, что ничего не было для него в это время тяжелее, как непрерывная мысль: «Что, если бы не умирать! Что, если бы воротить жизнь, – какая бесконечность!» [5. Т. 8. С. 52].

В связи с мотивом «сверкающих лучей солнца на церковном куполе» нельзя не вспомнить описания «величественного амфитеатра» Москвы в повести Н.М. Карамзина «Бедная Лиза»: «...великолепная картина, особливо, когда светит на нее солнце, когда вечерние лучи его пылают на бесчисленных золотых куполах, к небу возносящихся!» [21. Т. 1. С. 506]. Детские впечатления писателя, «возросшего на Карамзине» [5. Т. 29/1. С. 153] и запомнившегося карамзинские «панорамы Москвы с Воробьевых гор» как воплощение «страстной, но несколько книжной и отвлеченной любви к отечеству», «святой веры в народ и его правду» [5. Т. 19. С. 60], могли вступать в сложную контаминацию с мотивом смерти, углубляя и подчеркивая трагизм положения героя. Лучи солнца на позолоченном куполе церкви воплотили для героя Достоевского (в рассказе князя Мышкина) идею бесконечности бытия, вклю-

чающего в себя как равнодушную к человеческой судьбе прекрасную вечную природу, так и подобную мгновенью самую неповторимую человеческую жизнь. Возможно, толчком для настойчивого и очень значимого повторения мотива казни в начале романа «Идиот» послужило чтение писателем «Жизни Наполеона Бонапарте» В. Скотта.

В «Идиоте» Достоевский продолжает развивать проблему наполеонизма, актуализированную в «Преступлении и наказании». В романе о разочаровании и крушении Раскольникова Достоевский подверг критическому осмыслению важнейшую составляющую наполеоновского комплекса – идею вседозволенности сильной личности, презрение к человеку обыкновенному и достижение поставленной цели любой ценой. Идею насильственной власти Достоевский рассматривает в идеологическом плане как основу теории Раскольникова. Но Раскольников на практике оказался «обыкновенным» человеком, не способным безнаказанно преступить кровь, – и в этом, по Достоевскому, были его сила и надежда на возрождение. В романе «Идиот» основу наполеоновской проблематики составляют те же вопросы: человек и история, сильный герой и обыкновенный человек, но меняется пространство, масштаб исследуемого материала: на этот раз Достоевский показывает повсеместное прораствание наполеонизма в русской жизни, представленной не судьбой героя уровня Раскольникова, а обыкновенных людей, поставленных перед эпохальным выбором: Мышкин или Наполеон.

Слова князя Мышкина о его искусстве каллиграфии «Я перевел французский характер в русские буквы» [5. Т. 8. С. 29] можно отнести к роману в целом. В «Идиоте» наполеоновская эпоха в лицах «переведена в русские буквы», т.е. спроецирована на героев романа: есть свой Талейран (Лебедев) [22], свои якобинцы (Ипполит и компания Бурдовского). Наполеоновская линия развернута наиболее явно в образах генерала Иволгина и Гаврилы Ардалионовича, отца и сына. Их объединяет не только кровное родство, но страстное желание людей обыкновенных самоутвердиться в глазах других. Однако наполеоновский комплекс предстает в их образах в разных ракурсах. Ганя, по определению князя Мышкина, «просто самый обыкновенный человек, какой только может быть, разве только что слабый очень» [5. Т. 8. С. 104], одержим страстью накопить денег и стать «человеком в высшей степени оригинальным», поскольку «деньги тем всего подлее и ненавистнее, что они даже таланты дают» [5. Т. 8. С. 105]. В образе Гани запечатлен печальный триумф-крушение идеи сильной личности, «представителя третьего сословия человечества» [5. Т. 25. С. 148], путь которому, по глубокому убеждению Достоевского, открыла Французская революция эпохи Наполеона. Знаменательна деталь в портрете Гани Иволгина: «<...> стройный блондин <...> с маленькою, наполеоновской бородкой» [5. Т. 8. С. 21]. Этой деталью Достоевский, с одной стороны, указывает на связь образа Гани с наполеоновским комплексом, но сразу же намечает историческую перспективу (маленькая наполеоновская бородка была у Наполеона III), в которой дискредитируются и идеи Наполеона, и его бездарные последователи.

Иной ракурс освещения наполеоновского комплекса, а вернее, личности Наполеона, осуществляется в изображении генерала Иволгина. Исследователи справедливо отметили трагикомический тон повествования о Наполеоне,

позволяющий говорить о неоднозначности понимания Достоевским (в отличие от Л.Н. Толстого) исторической фигуры Наполеона.

Ключевым моментом к пониманию трактовки Достоевским Наполеона, во многом восходящей к В. Скотту, можно считать финальную фразу легенды – слова, которые вписал Наполеон в альбом сестры рассказчика:

«Ne mentez jamais!» [5. Т. 8. С. 417]
(Никогда не лгите!)

Эта итоговая фраза многозначна: в ней скрыто горько-ироническое самообличение Наполеона, свидетельствующее не только о его склонности к фразерству и лжи, но и об уме и мужестве, чтобы признать свой порок; это урок юному Иволгину и моральное предостережение, касающееся вопросов нравственного самоопределения человека, наконец, этой фразой автор акцентирует важный момент психологической общности Наполеона и генерала Иволгина, равно отягощенных страстью к позе и актерству. Образ Ардалиона Александровича создается смешением красок: славное военное прошлое русского генерала, «честного человека» [5. Т. 8. С. 113] сочетается ныне с упадком, надрывом, комикованием, эпатажем, враньем. И лжет генерал беспрерывно, по слабости и непременно «театральным тоном» [5. Т. 8. С. 400]. Достоевский не проецирует напрямую образ генерала Иволгина на личность Наполеона. Император предстает в фантазиях Ардалиона Александровича как его адвокат, оправдание и объяснение его неудавшейся жизни. Писатель стремится к опосредованному способу соотношения. На личность и судьбу Наполеона проецируется трагикомический тон, заключающий в своей универсальной форме возможности для многоаспектной трактовки личности и судьбы героя и вызывающий смешанное чувство, которое вбирает в себя не только осуждение или восхищение, но и иронию, и жалость, и сострадание от понимания несовершенства человеческой природы.

Представление о драматической двойственности личности Наполеона получит развитие в произведениях Достоевского 1870-х гг. В Подготовительных материалах к «Подростку» устами Версилова «жребий Наполеона» характеризуется «слишком видным» и «не очень прельстительным»: «Друг мой, – говорит Версильов сыну, мечтающему стать новым Ротшильдом, – ты как юноша мечтаешь об звонкой жизни, желаешь захватить слишком видный жребий, Наполеона Первого, например. Но, знаешь, эти мечты слишком уж первобытны; да и жребий-то сам не очень прельстителен – слишком много на тебя смотрят, слишком много надо кривляться и сочинять себя» [5. Т. 16. С. 281–282]. «Непрельстительность» жребия Наполеона герой Достоевского, как и в романе «Идиот», видит в насилии человека над собой, в невозможности быть свободным в поступках и мыслях. Таким образом, в романе «Идиот» четко проявляется своеобразие позиции Достоевского в отношении Наполеона. Критерий оценки исторического лица определяется у писателя в первую очередь нравственным содержанием личности, которое Достоевский, подобно В. Скотту, открывает «домашним образом». Тема позерства, лжи, неискренности становится психологическим проявлением внутренней несостоятельности Наполеона.

Подход к оценке человека с позиций проявления в нем человечности составляет основу исторической концепции Достоевского, которую он противопоставляет «дипломатическому» пониманию истории. В статьях апрельского «Дневника писателя за 1877 год» Достоевский рассматривает фигуру Наполеона в контексте центральной проблемы времени – о путях спасения человечества. Французская революция и деятельность Наполеона определяются писателем как последний акт римской идеи единства по принципам третьего сословия. Спасение писатель видит в осуществлении всеединства на основе православия.

Таким образом, учитывая и принимая во внимание различие В. Скотта и Достоевского как писателей разных эпох, национальных менталитетов, религиозных взглядов и художественной манеры, следует, однако, указать на английского романиста, автора всемирно известного труда «Жизнь Наполеона Бонапарте, Императора французов» как на один из важных источников формирования и развития идеи приоритета нравственного начала в системе этических и художественных ценностей Ф.М. Достоевского, что получило воплощение в разработке им наполеоновского мифа.

Литература

1. Жиялова Э.М. Традиции сентиментализма в творчестве раннего Ф.М. Достоевского. Томск, 1989.
2. Чернова Н.В. «Какая-то тайна была в судьбе ее»: Письмо в книге («Неточка Незванова») // Достоевский и мировая культура. М., 2007. № 22. С. 396–410.
3. Дрыжакова Е.Н. Достоевский и Вальтер Скотт // Художественный перевод и сравнительное изучение литератур: (Памяти Ю.Д. Левина). СПб., 2010. С. 316–326.
4. Ветловская В.Е. Из комментария к произведениям Достоевского 2 // Достоевский: Материалы и исследования. СПб., 2010. Т. 19. С. 451–457.
5. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Л., 1972–1990.
6. Долинин А.А. История, одетая в роман. М., 1988.
7. Пушкин А.С. О романах Вальтера Скотта // Пушкин А.С. Собр. соч.: в 10 т. М., 1974–1977.
8. Реизов Б.Г. Творчество Вальтера Скотта. М.; Л., 1965.
9. Назиров Р.Г. О прототипах некоторых персонажей Достоевского // Достоевский: Материалы и исследования. Л., 1974. Т. 1. С. 209–212.
10. Подосокорский Н.Н. Об источниках рассказа генерала Иволгина о Наполеоне // Достоевский: Материалы и исследования СПб., 2010. Т. 19. С. 182–191.
11. Альми И.Л. К интерпретации одного из эпизодов романа «Идиот»: (Рассказ генерала Иволгина о Наполеоне) // Достоевский: Материалы и исследования. СПб., 1992. Т. 10. С. 163–172.
12. Волгин И.Л., Наринский М.М. «Развенчанная тень»: Диалог о Достоевском, Наполеоне и наполеоновском мифе // Метаморфозы Европы. М., 1993. С. 127–164.
13. Самарин Р. «Квентин Дорвард» // Скотт В. Собр. соч.: в 20 т. М., 1997–1999. Т. 15. С. 543–548.
14. Скотт В. Собрание сочинений: в 20 т. М., 1997–1999.
15. Скотт В. Жизнь Наполеона Бонапарте, Императора французов: в 8 т. СПб., 1836.
16. Смит А. Теория нравственных чувств. М., 1997.
17. Жиялова Э.М. Книга В. Скотта «Жизнь Наполеона Бонапарте» и ее русские читатели // Феномен русской классики. Томск, 2004. С. 139–154.
18. Зотов Р. Наполеон на острове Св. Елены: в 4 ч. СПб., 1838.
19. Майков В.Н. Литературная критика. Л., 1985.
20. Тарле Е.В. 1812 год. М., 1961.
21. Карамзин Н.М. Сочинения: В 2 т. Л., 1984.
22. Подосокорский Н.Н. Образы «Галейранов» и наполеоновский миф в творчестве Ф.М. Достоевского // Достоевский и мировая культура. М., 2009. № 25. С. 247–276.